

С любовью и добрыми воспоминаниями посвящается моим замечательным кузенам и кузинам с обеих сторон.

Никогда не унывающему клану Кеннеди, развлекавшему меня по воскресеньям в доме Мими и Пэпа, и эксцентричным Фоули, любящим рассказывать своим многочисленным родственникам страшные истории у костра.

Счастья и радости вам, вашим супругам и очаровательным детям.

Моя особенная благодарность Дэну, ставшему мне настоящим братом, и Тиму, который всем рассказывает, что собирается почитать книги своей маленькой кузины.

Я вас всех люблю и признательна вам за то, что вы принесли в мою жизнь столько радости и смеха...

Пролог

Англия, 1805 год

В лунном свете по Оксфордской дороге мчались три экипажа; возницы — молодые люди с раскрасневшимися от возбуждения лицами — настегивали кнутами лошадей, взмыленных от безумной гонки, и те, натужно всхрапывая, напрягали последние силы. Каждого из возниц в Лондоне сопровождала дурная репутация. Сейчас их глаза угрюмо поблескивали, и любой из них в душе был готов на крайние меры. Они слишком много потеряли бы, если бы упустили того, за кем гнались. Молодые люди преследовали ехавший в нескольких милях от них почтовый дилижанс.

Осенний ветер играл с пожухлой листвой, устилавшей дорогу, по которой громыхали экипажи, и кони неслись во весь опор, а тем временем направлявшийся в Холихед почтовый дилижанс остановился у постоялого двора «Золотой бык», и из него вышли утомленные долгой дорогой пассажиры.

— Мы отправляемся через два часа, — предупредил добродушный кучер, помогая молодой леди выйти из экипажа.

— Благодарю вас, — тихо сказала она и украдкой оглянулась на темную дорогу.

Преследователей не было видно.

— Выходи, Джонни, — приказала леди и подала руку испуганному молодому человеку, никак не решавшемуся покинуть дилижанс.

Взяв парня за руку, леди повела его к зданию постоянного двора, окруженному деревянной террасой и представлявшему собой довольно убогую постройку под соломенной крышей.

Из-под шляпки женщины выбивались рыжеватые волосы, лицо скрывала белая вуаль; судя по всему, она не хотела, чтобы кто-нибудь видел синяк у нее под глазом.

— У вас найдется свободный номер? — спросила она у хозяина постоянного двора, переступив порог людного помещения, где толпились пассажиры.

— Разумеется, мэм, — ответил хозяин.

Когда он предложил ей расписаться в журнале регистрации постояльцев, женщина написала не сценический псевдоним, под которым была широко известна в Лондоне, а свое настоящее имя: Мэри Вирджиния Харрис — так ее звали в юности, когда она жила в небольшой ирландской деревушке. Именно туда она сейчас и направлялась.

Тринадцатилетний Джонни крепко вцепился в ее руку; от его былой бравады не осталось и следа, а худенькое тельце била дрожь, вызванная скорее страхом, нежели осенним холодом.

Хозяин провел новых постояльцев через зал ожидания и трактир, где местные жители пили пиво и играли в дартс, на второй этаж и показал свободную комнату, где они могли отдохнуть вдали от шума. Как ни старался владелец заведения, ему так и не удалось разглядеть скрытого густой вуалью лица гости.

Когда женщина и ее юный спутник стояли в коридоре, дожидаясь, пока их провожатый отопрет свободный номер, из дверей соседней комнаты выглянула маленькая курдюная девочка лет четырех и, хихикая, крикнула им:

— Ку-ку!

Мэри залюбовалась очаровательной крошкой, но тут из глубины комнаты донесся строгий голос:

6 — Сара, милая, закрой дверь!

Малышка тут же исчезла, и Мэри, поблагодарив хозяйку постоялого двора, сунула ему чаевые, а затем вместе с Джонни вошла в номер.

Когда маленькая Сара снова выглянула в коридор, симпатичной леди в шляпке с белой вуалью там уже не было. Вернувшись в комнату, в которой сидели ее родители, она подбежала к окну и вскарабкалась на подоконник. Подышав на стекло, девочка нарисовала пальчиком на запотевшем пятне смешную рожицу — этому ее научил старший брат Девлин. Сара с нетерпением ждала, когда снова увидит его. Родители вместе с ней как раз направлялись за ним, чтобы забрать его из учебного заведения, в котором он в данный момент находился. Хотя до рождественских каникул было еще далеко, Девлину разрешили поехать домой. Странно, но родители Сары почему-то ссорились по этому поводу, и девочка не понимала, что происходит.

— Послушай, Кейти Роуз, — говорил отец Сары, протирая носовым платком стекла своих очков, — не надо паниковать раньше времени. Я уверен, мальчик нам сам все объяснит.

— Что именно он объяснит? Стивен, твой сын ударил кулаком надзирателя! Мы послали этого шалопаю учиться в лучшую школу Англии, а он так ужасно ведет себя: пропускает занятия, пьет и ночи напролет играет на бильярде с друзьями.

— Ему всего семнадцать лет, Кейти. Все ребята в его возрасте отлынивают от занятий и шалят. Это издержки взросления. Не забывай, что Девлин лучше всех успевает в своей группе.

— Да, я знаю, у него светлая голова, но он совершенно не старается учиться. — Кейти тяжело вздохнула. — Учеба дается ему легко. Девлину повезло, что он унаследовал твои способности.

— И твой боевой дух, — добавил Стивен, — а также прекрасные голубые глаза. Ну же, Кейти,

не грусти, или я заставлю тебя сделать это с помощью поцелуев.

Кейти невольно улыбнулась.

— Прибереги свои комплименты для декана, Стивен, — укоризненно сказала она. — После проделок твоего сына нам, пожалуй, придется сделать университету большие пожертвования: боюсь, это единственный способ умили-вить начальство и упросить не отчислять Девлина. О, я так надеюсь, что у него все будет хорошо!

— Наш мальчик ничуть не хуже, чем другие его сверстники.

Кейти кивнула.

— Не знаю, чего мне хочется больше — задушить его собственными руками или крепко обнять.

— Ты его мать. Девлин понимает, что огорчил тебя, и это самое суровое наказание для него. Поэтому лучше покрепче обними нашего мальчика и не ругай его.

— Я люблю тебя, Стивен, — вздохнув, промолвила Кейти и прижалась щекой к груди мужа. — Что бы я делала без тебя? Ты так терпелив, добр и...

— Смотрите, лошадки! — воскликнула Сара, взгляды-ваясь в темноту.

В этот момент во двор с грохотом въехали три экипажа; первый из них остановился у почтового дилижанса, и с его козел спрыгнул молодой человек по имени Квентин, лорд Рэнделл. Это был высокий крепкий парень лет двадцати пяти, прославившийся в модных боксерских залах своей беспощадностью и жестокостью; на его квадратном лице с грубыми чертами выделялись светло-карие глаза. На подбородке Квентина виднелась ямочка, каштановые волосы были зачесаны назад.

Квентин вошел в зал «Золотого быка», не дожидаясь Карстэрза и Стейнза. Увидев пустой дилижанс, он сразу все понял. Джинни была где-то здесь, на постоялом дворе. Он знал, что она бежала в почтовой ка-

рете, направлявшейся в Холихед, где собиралась отплыть на почтово-пассажирском судне к берегам Ирландии. Однако Квентин хотел непременно помешать ей, ведь Джинни принадлежала ему.

Он прошел через зал ожидания и трактир, внимательно вглядываясь в лица постояльцев, однако Джинни нигде не было. Тогда Квентин подошел к конторке и бесцеремонно вырвал книгу регистрации пассажиров из рук хозяина постоялого двора.

— Могу я чем-нибудь помочь вам, сэр? — подобострастно спросил хозяин.

Квентин буркнул в ответ что-то нечленораздельное. Пробежав глазами список постояльцев, он наткнулся на знакомую фамилию. Мэри Харрис. Джинни как-то называла ему свое настоящее имя, и, к собственному удивлению, Квентин вспомнил его, хотя всегда пропускал мимо ушей болтовню Джинни, когда она рассказывала о своем прошлом. Он старался забыть о том, что она происходила из социальных низов; Квентину больше нравился ее сценический псевдоним — Джинни Хайгейт. С трудом добившись благосклонности этой очаровательной, всеми любимой актрисы, он долго и настойчиво ухаживал за ней, пока она наконец не сдалась. Джинни была его любовницей, его собственностью, его трофеем.

Не сказав ни слова хозяину постоялого двора, Квентин начал обыскивать все помещения, оглашая их громким криком:

— Джинни, где ты, Джинни?

— Вот идиот! — пробормотал Карстэрз, услышав доносившийся изнутри рык своего приятеля. — Он всегда идет напролом.

Переглянувшись, Карстэрз и Стейнз вошли в здание «Золотого быка».

Молодой человек приятной наружности, со светлыми волосами, тонкими чертами лица и хо-

лодными голубыми глазами, граф Джулиан Карстэрз всегда был безупречно одет; в отличие от него сэр Торквил Стейнз, известный в Лондоне дуэлянт, отличался мрачной внешностью и имел карие пронзительные глаза и темную бородку клинышком, как у дьявола.

— Давайте попробуем сделать все быстро и без лишнего шума, — недовольно проговорил Карстэрз.

Стейнз кивнул, и приятели бросились на помощь Квентину. Они должны были во что бы то ни стало найти эту ирландскую стерву, осмелившуюся увезти Джонни. Карстэрз очень надеялся на то, что заполучит мальчишку прежде, чем тот начнет слишком много болтать.

Поднявшись на второй этаж, Квентин начал распахивать двери всех номеров подряд и бесцеремонно заглядывать внутрь, не заботясь о том, что мешает постояльцам отдыхать. Некоторые из них громко возмущались его поведением, остальные молчали, увидев на пороге своей комнаты детину исполинского роста с мрачным решительным взглядом.

Одна из дверей оказалась запертой на замок, и Квентин начал в бешенстве дергать ручку.

— Джинни! — крикнул он и приложил ухо к щели.

Из комнаты не доносилось ни звука, и, закрыв глаза, Квентин напряженно прислушался. Ему казалось, что он почувствует присутствие любовницы даже за закрытой дверью, и действительно он уловил запах знакомых духов!

— Джинни! — воскликнул Квентин и загрохотал кулаками по двери. Когда грохот смолк, он уловил тихие всхлипы и снова закричал: — Джинни, открой немедленно! Ну же, я отвезу тебя домой! Черт подери, ты ведь знаешь, что я люблю тебя!

Повернувшись спиной к двери, Квентин начал бить по ней ногой. В конце концов дверь не выдержала и сорвалась с петель; отбросив ее в сторону, Квентин, тяжело дыша, вошел в комнату.

Джинни сидела, забившись в угол, и прижимала к груди перепуганного маленького слугу Карстэрза. Квентин сразу же заметил огромный синяк под глазом своей любовницы, но не почувствовал никаких угрызений совести. По его мнению, Джинни сама была во всем виновата.

— Пойдем! — Он протянул Джинни руку. — Нам пора домой.

— Нет. — Мэри энергично замотала головой.

— Оставьте ее! — воскликнул маленький Джонни и отважно выступил вперед.

Чертыхнувшись, Квентин отшвырнул мальчишку со своего пути, и Джонни, вскрикнув, упал на пол.

Услышав звуки борьбы в соседнем номере, леди Стратмор насторожилась.

— Что там происходит, Стивен? — встревоженно спросила она мужа.

Стивен прислушался.

— Пожалуй, я схожу туда, — заявил он и, погладив маленькую дочь по кудрявой головке, добавил: — Оставайся с мамой, дорогая, и не выходи из комнаты.

Виконт Стратмор был сильным, атлетически сложенным мужчиной, и потому, выйдя в коридор, он решительными шагами направился к двери соседнего номера. За минуту до этого из нее выбежал перепуганный Джонни и бросился к лестнице, чтобы позвать на помощь, однако на площадке второго этажа мальчуган, к своему ужасу, столкнулся с Карстэрзом.

— Джонни! Ну наконец-то я тебя нашел! — воскликнул граф и тут же крепко схватил парня за ворот. Ледяные глаза Карстэрза не отрывались от его лица. — Как ты смел убежать от меня, неблагодарный поганец? И это после всего, что я сделал для тебя!

— Простите меня, — осипшим от страха голосом попросил Джонни.

— Я приютил тебя, заботился о тебе, а теперь ты вместе с этой женщиной пытаешься отправить меня на виселицу?

— Почему на виселицу? — оторопел мальчик, с недоумением глядя на своего господина.

— Да, Джонни, таких парней, как мы с тобой, отправляют прямиком на виселицу за то, чем мы занимались. — Карстэрз понизил голос: — Поэтому мы должны хранить в секрете все, что связано с нашей интимной жизнью. — Граф тяжело вздохнул: — Кто позаботится о тебе, когда меня не станет, Джонни? Кто пошлет деньги твоей бедной матушке?

Джонни понуро опустил голову. Заметив, что мальчик задумался над его словами, Карстэрз самодовольно усмехнулся.

— Ну ладно, пойдем, — примирительно сказал он. — Я отвезу тебя домой.

Обняв мальчика за плечи, граф вывел его во двор и посадил в карету.

— Жди меня здесь и никуда не уходи, — распорядился он. — А я поднимусь наверх, чтобы убедиться, что Квентин уладил свои дела. Завтра мы забудем это неприятное происшествие как дурной сон.

— Хорошо, сэр, — пробормотал Джонни.

Карстэрз вздохнул с облегчением; он решил, что все самое страшное уже позади, как вдруг грянувший на втором этаже выстрел разорвал тишину ночи. «Неужели Квентин все же застрелил эту ирландскую сучку?» — пронеслось у него в голове, и он бросился наверх.

То, что он увидел, повергло его в ужас. В коридоре громко плакала маленькая кудрявая девочка, а Джинни и еще одна женщина стояли на коленях у неподвижно лежавшего на полу тела незнакомого мужчины. Квентин находился неподалеку; в руке его еще дымился пистолет, а на лице застыло выражение растерянности и отчаяния. Он

медленно приходил в себя, постепенно осознавая,

12 что натворил.

— Стивен! О боже! Позовите врача! — кричала черно-волосая красавица, жена сэра Стратмора, пытаюсь зажать руками огромную рану в его груди, из которой ручьем лилась кровь.

Однако все ее усилия были напрасны.

Карстэрзу, утратившему чувство реальности, показалось, что все это происходит во сне и он вот-вот проснется. Граф медленно подошел к распростертому на полу мужчине и взглянул на него. Ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы узнать его: Квентин застрелил одного из членов палаты лордов.

— О боже, Квинт! — ахнул Карстэрз. — Ты убил Стратмора.

— Стивен! — Продолжая кричать, виконтесса по-прежнему пыталась привести мужа в чувство, но он не шевелился.

Карстэрз наконец пришел в себя, и инстинкт самосохранения приказал ему действовать решительно, в то время как Квентин все еще находился в состоянии полной протрации.

— Я не хотел этого... — бормотал он. — Я и подумать не мог о том, что убью его...

— Успокойтесь, заклинаю вас! — оборвал его граф. — Я попробую уладить дело. Слушайте меня внимательно...

Охваченный паникой, Квентин тяжело дышал, однако слова приятеля в конце концов дошли до его сознания, и он послушно кивнул.

— Ступайте на лестничную клетку и никого не пускайте в коридор, — распорядился Карстэрз, стараясь говорить спокойно и отчетливо. Однако и ему было нелегко сохранять самообладание. — Никто не должен узнать, что здесь произошло. Вы все поняли, Квинт?

— Да.

— В таком случае выполняйте мои распоряжения.

Барон быстро направился к лестничной клетке. А Карстэрз, подойдя к леди Стратмор, присел рядом с ней на короточки и взял ее руку в свои ладони.

— Постарайтесь успокоиться, миледи, — проникновенным голосом проговорил он. — Мы уже послали за доктором, и он сейчас придет. — Это была откровенная ложь, однако граф не испытывал никаких угрызений совести, обманывая бедную женщину. — Вы правильно делаете, пытаясь остановить кровотечение. Не оставляйте своих усилий.

Его слова заставили леди Стратмор замолчать и одновременно вселили в нее надежду на то, что ее мужа спасут; несчастная Кейти Роуз не понимала, что граф нагло лжет ей.

Кивнув, она обернулась к дочери.

— Крошка моя, успокойся... — начала она, но Джинни перебила ее.

— Я займусь ею, миледи, а вы позаботьтесь о муже, — сказала она и бросилась к плачущей девочке.

Проводив Джинни злым взглядом, Карстэрз выпрямился и подошел к стоявшему в сторонке Стейнзу.

— Если у вас возникнут затруднения, не церемоньтесь с ними, — понизив голос, распорядился он.

Стейнз, не раздумывая, кивнул, и Карстэрз быстро спустился в зал ожидания. Когда он переступил порог, к нему сразу же обратились тревожные взгляды всех присутствующих: люди толпились у входа, с недоумением поглядывая на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Прощу прощения, сэра, — громко, так, чтобы его все слышали, обратился граф к хозяину постоянного двора. — Я нечаянно наделал много шума. Дело в том, что я чистил в номере свой пистолет, и он неожиданно выстрелил. Боюсь, что я напугал леди, снявшую соседнюю комнату. В качестве компенсации за беспокойство я хотел бы

14 оплатить ее проживание в номере вашей гостиницы.

— О, как это любезно с вашей стороны! — воскликнул хозяин и с облегчением вздохнул: казалось, объяснения вполне удовлетворили его.

Граф бросил на конторку горсть монет.

— Еще раз прошу прощения за причиненное беспокойство, и налейте всем присутствующим пива за мой счет. — Он быстро покинул помещение.

Выйдя на свежий воздух, Карстэрз глубоко вздохнул. Главное — во что бы то ни стало выйти сухим из воды. Объяснения, которые он дал владельцу постоянного двора, были просто смехотворны и могли отвести подозрения от него и его приятелей не больше чем на час. А что потом? О, если бы можно было просто убежать с места преступления! Увы, их видело слишком много людей. Убийство члена палаты лордов, разумеется, не шутка — Стратмор слыл тихим человеком, однако его все уважали.

Во рту у Карстэрза пересохло, в висках гулко стучала кровь. Граф огляделся вокруг, как будто надеялся найти способ избежать ответственности за содеянное. Он знал, что не сможет утаить преступление, совершенное Квинтом: когда начнется расследование обстоятельств гибели Стратмора, его тоже будут допрашивать; при этом в ходе расследования может раскрыться его тайна, которую он тщательно скрывал от общества, не желая никого посвящать в свою личную жизнь. К тому же это было небезопасно: в Англии до сих пор действовали законы, по которым так называемых содомитов могли отправить на виселицу. Карстэрзу меньше всего хотелось, чтобы его опозорили и казнили за любовь к красивым мальчикам.

Взглянув на стоявший во дворе экипаж, граф увидел в окне бледное лицо Джонни, и тут же его взгляд упал на фургон, груженный бочками, — на брезенте фургона было написано белыми печатными буквами: «Бренди и другие горячительные напитки». В голове Карстэрза ментально созрел план. Старое здание постояло-